
А. А. Овсянников

**КРАВЧЕНКО С. А. СОЦИОЛОГИЯ РИСКА
И БЕЗОПАСНОСТИ. УЧЕБНИК И ПРАКТИКУМ.
М.: Издательство «ЮРАЙТ», 2016. – 302 с.**

DOI: 10.19181/snsp.2016.4.2.4274

Овсянников Анатолий Александрович – доктор экономических наук, профессор, Институт бизнеса и делового администрирования, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Россия, Москва, проспект Вернадского, д. 82, корп. 5

E-mail: aovsianikov@post.ru

Тел.: +7 (903) 275 49 78

Книга известного российского социолога профессора С. А. Кравченко не просто книга, а учебник и практикум. Амбициозность такого позиционирования работы означает претензию автора на внятную и особую роль в педагогической и научной культуре. Эта роль связана и с его педагогической практикой, и с практикой научного деятеля. Эта роль всегда является культурной ролью. Хороший учебник «стреляет» лет так на 15–20 вперёд, оказывая влияние на состояние социальных практик, на культурный облик страны и на эффективность хозяйствования и управления. Такая роль в культуре предполагает создание новых образцов поведения, которые становятся массовыми и социально одобряемыми в педагогической практике и в практиках профессиональной деятельности преподавателей и выпускников социологических факультетов российских университетов.

Для таких претензий у профессора С. А. Кравченко есть серьёзные основания. Его учебники и учебные пособия уже стали популярными в педагогической среде российских университетов. Вспоминаются учебники «Социология: парадигмы через призму социологического воображения» [Кравченко, 2002], «Социология риска: полипарадигмальный подход» [Кравченко, Красиков, 2004], социологические словари [Кравченко, 2011, 2012, 2013].

Новый учебник известного педагога и учёного сразу же вызвал интерес. Надо бы почитать. Подумать. Порассуждать.

А предмет рассуждений есть, и он огромен. Ну, кого оставит равнодушным учебник и практикум про риски! Из разных участков сознательного и бессознательного всплывают образы тех, кто «не рискует, тот не пьёт шампанского», рационального риска, исчисляемого в теории вероятностей, дерзновенного этюда о рисках познания трёх мистических карт пушкинской «Пиковой дамы», повседневных, наполненных рисками, новостей о пожарах, катастрофах, взрывах и социальных революциях, но и романтического и манящего своей безрассуд-

ной и рискованной страстью горьковского Буревестника: «Над седой равниной моря ветер тучи собирает. Между тучами и морем гордо реет Буревестник, чёрной молнии подобный... он кричит и — тучи слышат радость в смелом крике птицы. В этом крике — жажда бури!». Я уж не говорю о рисках, связанных с повседневностью поездки на работу и возвращению домой... Риск всегда был притягательным и пугающим явлением.

Возникает вопрос: «Профессор, Вы что, хотите это всё переложить в сухой учебник?». Но ведь учебник всегда является гербарием засушенных фактов, гробницей рационально мумифицированных человеческих страстей, памятником взрывам революционной пассионарности и безумию иррационального героизма? «Вы что, думаете, что управлению рискам можно научить, что они управляемы?». Но тогда они перестанут быть рисками! Неужто Вы хотите студентов обучить способам, позволяющим покорить то, что мы называем Судьбой или Рокком? «Знал бы прикуп, жил бы в Сочи» — не так ли?

Давайте почитаем учебник

Конечно, книгу надо начинать читать с изучения её структуры. Учебник профессора С. А. Кравченко хорошо структурирован. Все главы, в том числе и нагруженные добротными социологическими теориями, заканчиваются педагогически мастерски поставленными практиками. Это и тесты для проверки знаний, это и «гайд — листы» для проведения семинаров и дискуссионных круглых столов, это и деловые кейсы, это и тщательно подобранный список литературы, предназначенный для студентов, стремящихся глубже понять проблему и погрузиться в непростой научный дискурс. В оглавлении становится понятным стремление автора дать фундаментальное и энциклопедическое полотно эволюции социологии риска и трансформаций понимания риска с изменением социальной реальности от классического модерна к обретению свойств неоклассического постмодерна.

Главным героем книги является Его Величество Риск. Риск у профессора С. А. Кравченко является неперенным атрибутом развития мировой цивилизации [Кравченко, 2016: 8]. Но вот особым статусом системообразования риск стал наделяться в эпоху постмодерна, когда цивилизация стала всё глубже погружаться в пучину тотальных бифуркаций. Эти бифуркации становятся всё более частыми, быстрыми, глубокими и разрушительными. Неопределённость, неустойчивость, нелинейность развития социума стали его тотальными свойствами, определяющими его рискогенность, опасность и даже катастрофизм.

И. Пригожин назвал процесс накопления опасной социальной энтропии и связанных с этим бифуркаций как взрывов и выбросов этой энтропии, диссипациями. Этот процесс нагружен рисками. Пригожин их объяснял тем, что в диссипативных системах порядок воссоздается из хаоса за счёт того, что совершенно не прогнозируемые микросоциальные действия (поступки личностей) могут иметь макросоциальные последствия, способные коренным образом изменить социальный уклад стран, народов, цивилизаций. Такие процессы непредсказуемы, неопределённы и очень рискованны. В таких процессах рождаются Герои. Такие, как Жанна д'Арк, Роза Парк, Гитлер, Ленин, Сталин, Горбачёв и т. д.

Естественно возникает вопрос о предмете обучения. Можно ли обучить уклонению от Судьбы, приручению риска, управлению бифуркациями? Да нет же, об этом и речи нет в учебнике. А вот понимать, что такое риск, владеть социологическими теориями риска, моделировать и проектировать стратегии социального поведения с целью снижения разрушительной силы риска, с целью увеличения социальной безопасности и социальной ответственности — это можно, и это собирается делать профессор [Кравченко, 2016: 10–11].

Книга написана не только в стиле добротного академизма, но и как художественное произведение, в котором действующими лицами являются социологические идеи. Они составляют драматургию книги, рождаясь, приобретая репутационную силу, конфликтуя между собой, доказывая своё право на научную истину. Конечно, эта драма идей требует изменения мизансцены. Или наоборот, изменения мизансцены рождали новые идеи и новых героев? Книга увлекает, и чтение книги приносит удовольствие. Трудно назвать современный учебник, при чтении которого невозможно избавиться от сонной зевоты. Книга профессора С. А. Кравченко к таким не относится.

Учебник, как и положено, начинается с истории вопроса. В самом деле, просто интересно понять, как люди воспринимали риск [Кравченко, 2016: 12–17]. Автор раскрывает перед читателем многомерное и обширное полотно существования риска. Это, во-первых, опасность. Опасность тотальна. На макроуровне опасности связаны с войнами, эпидемиями, стихийными бедствиями, переворотами и прочими ужасами. На микроуровне опасности определяются болезнями, неудачами, личными несчастьями и стечениями неблагоприятных обстоятельств. Профессор С. А. Кравченко заявляет, что риски, во-вторых, сакрализованы и воспринимаются людьми как судьба, как рок, как фатум, как искушения Дьявола (или испытания Бога?)¹. Риск, в-третьих, приобретает и рациональные формы. При этом, естественно, десакрализуясь. Риск становится предметом

¹ Конечно, здесь вспоминается великая библейская история об Иове и испытаниях, которые Бог ниспослал на него. Бог хотел убедиться, насколько Иов предан Ему. Он позволил случиться всем бедам и несчастьям, обрушившимся на голову праведника. Иов сначала возмутился, потом, когда Бог Сам заговорил с ним, испугался и признал себя виноватым, покорившись воле Божьей. В конце концов, Бог щедро компенсировал всё отнятое: даровал Иову новый дом, новые стада, новых детей.

научных измерений в таких науках, как теория вероятностей, математическая статистика, теория игр и пр. Риск, в-четвёртых, нагружен психологическими свойствами, связанными со страхами, отвагой, осторожностью, трусостью. Профессора С. А. Кравченко, конечно, интересует социологическая конструкция риска как «динамичного феномена, постоянно усложняющегося под влиянием социокультурной динамики, самоорганизации социума» [Кравченко, 2016: 17].

Социология риска начинается с понимания того, что риски могут иметь естественную природу (стихия, космос, эпидемии и пр.) и рукотворную (личностную, социальную и техногенную). В рукотворных угрозах, утверждает автор, всегда обнаруживается моральная компонента. Профессор С. А. Кравченко напоминает об «эффекте Гидденса»: рукотворные опасности в условиях динамичности природы порождаются аморальными действиями людей [Кравченко, 2016: 23]. Чернобыль, Фокусима, таяние льдов Антарктиды, исчезновение Аральского моря и истребление уже сотен видов животных и растений — это плата за человеческую жадность, недалёковидность и просто глупость.

Автор учебника — энциклопедист. Главы 2–7 содержат блистательный очерк развития мировой социологии риска. Научное понимание риска, естественно, начинается с поиска его рационального основания. Эти поиски стали вестись в те далёкие времена становления классического модерна, когда социологи считали естественным исторический материализм К. Маркса. Они были уверены в могуществе объективных законов исторического развития. Это было время, наполненное оптимизмом и сайентистским восторгом. Тогда искренне верили в прогностическую силу регрессионных моделей. Не было никаких сомнений в том, что «сегодня мы живём лучше, чем вчера, а завтра будем жить лучше, чем сегодня». В те времена признавали риск, но только как плату за неповиновение этим законам, плату за уклонение от науки, за непрофессионализм, в конце концов [Кравченко, 2016: 31].

Эту светлую и полную оптимизма картину испортил американский экономист Фрэнк Найт, введя в науку о рисках понятие о неопределённости. Неопределённость социальной реальности означала и вариативность будущего, погружая индивида в поле, где события могут произойти, а могут и не произойти. Для таких социальных полей риск стал просто мерой возможностей. Морис Алле, французский экономист, Нобелевский лауреат, продвинулся ещё дальше в понимании риска. Он персонифицировал риск, считая его не проблемой социальных условий жизни, не проблемой социальных институтов, а проблемой личности, действующей в условиях неопределённости,

но обязанной принять решение, выбрать альтернативу действий. Масштаб риска определяется масштабом ответственности личности. В самом деле, есть разница от рисков «пить или не пить» или «начинать перестройку в стране или не начинать». Поля формирования рисков расположены не вне, а внутри человека, обречённого на выбор [Кравченко, 2016: 34–35].

Теорий риска сегодня множество. Профессор С. А. Кравченко решает проблему множественности моделей рисков с позиций им давно освоенной концепции полипарадигмальности [Кравченко, Мнацаканян, Покровский, 1998]: «невозможно получить валидное знание о рисках с помощью... отдельно взятых социологических подходов... Каждая социологическая парадигма способна внести свой вклад в познание рисков» [Кравченко, 2016: 46].

Социологический модерн XX века позволил увидеть в рисках и не фатум, и не психологическую шизофрению, а проблему культурных разрывов преемственности и социокультурных травм [Кравченко, 2016: 68]. Такие трактовки риска содержатся в работах Лумана, Гидденса и Штомпки. Вообще, вся вторая половина XX века, как считает профессор С. А. Кравченко, была временем рефлексии культурных травм и революций. Эта рефлексия совпала с переживаниями за судьбу Природы и всего Человечества [Кравченко, 2016: 71]. И вновь профессор С. А. Кравченко говорит о моральной ответственности людей за последствия техногенных катастроф [Кравченко, 2016: 89]. Самой большой проблемой цивилизации и Земли как экосоциальной системы стал человек. Он является носителем фундаментальных рисков для Общества и Природы.

Главная опасность и область наиболее тревожных и глобальных рисков для современного общества связана с прогнозируемым скорым истощением природных ресурсов как возобновляемых, так и не возобновляемых. С экологической точки зрения возникает необходимость в прекращении безудержного роста объёма использования ресурсов окружающей среды. Экологические последствия стремительного развития «обществ потребления» вызывают тревогу, формируя алармистские движения антиглобалистов и консьюмеристов.

Одним из популярных у экологов индикаторов является индикатор «экологического следа» (*ecological foot print*). Этот индикатор позволяет рассчитать и сравнить, сколько ресурсов способна дать Земля без ущерба для себя (биоёмкость) и сколько люди забирают у неё на собственные нужды (собственно экологический след). Это вполне рациональный показатель оценки потребительской деятельности людей, измеряемый размерами вовлекаемых в производственный оборот воспроизводимых ресурсов Земли. Экологический след выражает потребление человечеством ресурсов биосферы как площадь биологически продуктивной территории и акватории, необходимых для производства ресурсов и усвоения отходов. В 2005 г. глобальный экологический след составил 17,5 млрд глобальных гектаров (гга), или 2,7 гга на человека (глобальный гектар представляет собой гектар со средней по земному шару способностью к производству ресурсов и ассимиляции отходов). В то же время общая площадь продуктивных

суши и водных поверхностей планеты, или биоёмкость, составила 13,6 млрд гга, или 2,1 гга на человека. Наибольший экологический след оставляют традиционно расточительные США и нарождающийся мировой лидер — Китай. Жители США используют в среднем 9,4 гга (или почти четыре с половиной планеты Земля, если бы всё мировое население имело ту же модель потребления), в то время как жители Китая используют 2,1 гга на человека (одна планета Земля). Восемь стран — США, Бразилия, Россия, Китай, Индия, Канада, Аргентина и Австралия владеют больше чем половиной всего биологического потенциала Земли [Овсянников, Смирнова, 2007].

Современные общества уже давно принято считать обществами тотального риска. Первым учёным, заметившим и теоретически обобщившим это свойство обществ постмодерна, был немецкий социолог У. Бек (см. главы 6,7). Набирает силу сумеречный мир постмодернизма, которому уже недостаточно определять поле риска через борьбу Бога и Дьявола, через научный рационализм и суеверия невежественных обывательских практик. У Бека поле рисков приобретает масштабы общесистемных размеров. Риски нового мира постмодерна обусловлены обретением мировым сообществом черт глобализации и космополитизма [Кравченко, 2016: 115]. В таких обществах социальные нормы, правила, социальные идеалы как устремления к лучшему и нетленному, к вере в светлое будущее или в Бога стали приобретать свойства «текучести», размытости, амбивалентности, порождая новые, более глубокие и опасные риски [Кравченко, 2016: 126].

Эти риски мировой социологией отнесены уже к новым социумам постмодерна. Это — «сложные общества» [Кравченко, 2016: 134]. Это общества без прогресса, с размытыми представлениями о добре и зле, с доминированием толерантности, при которой вводится как норма «запрет на запреты», а ценности божественных устремлений уравниваются с ценностями дьявольских искушений. Мир «сложного общества» всё более погружается в мир глобальной дезорганизации. Социальная ответственность и классическая этика, освящённая мировыми религиями, выталкиваются на периферию общественного сознания и социальных практик. Аномия как патология модерна становится нормой постмодерна [Кравченко, 2014].

Теоретики «сложного общества» пытаются объяснить природу рисков и опасностей нового социального мира как антитезу рисков и опасностей мира модерна. Оказывается, что романтизм, вера в светлое будущее — это социальные болезни, которые преодолены в постмодерне. Всё это сегодня — социальные патологии. Как и неудачи. Неудачник — это норма «сложного общества» [Кравченко, 2016: 138].

*Сегодня жить совсем не скучно:
Повсюду пакость, гнусь и скверна,
Все объясняется научно,
И нам неважно, что неверно.*

Г. Губерман

Профессор С. А. Кравченко вводит в своей книге в научный дискурс социологической теории проблему уязвимости, обозначенную в социологии ещё П. Сорокиным. Сегодня теория уязвимости стала глобальной и наполненной многообразными смыслами:

- Апокалипсические ожидания катастрофы цивилизации по причинам то ли мировой ядерной войны, то ли разрушительных природных катаклизмов, то ли столкновением с каким-то космическим телом, то ли пришествием Судного дня.
- Рост социального неравенства на планете¹.
- Рост амбивалентности, которую профессор С. А. Кравченко определил как «восхваление любви и культивирование ненависти» [Кравченко, 2016: 154].
- Рост напряжённости конфликтного поля в треугольнике «религия — нация — этнос». К примеру, одна из важных книг, расположенных в поле рефлексии этого треугольника, написанная учеником П. Сорокина социологом Э. А. Тирикьяном, уже своим названием не вызывает оптимизма: «Цивилизация в глобальную эпоху: одна, много... или ни одной» [Кравченко, 2016: 156].
- Возрождение странной для постмодерна «иррациональной рациональности», определяемой З. Бауманом как «прополка социальных сорняков», которые всегда были и мешали развитию цивилизационного русла. Это в недалёком прошлом евреи, цыгане, гомосексуалисты. А сегодня в зоне депривации находятся те, кто вчера занимался этой «прополкой», в частности, те, кто не любил гомосексуалистов.

¹ Международная организация Oxfam опубликовала в 2014 году доклад “Working for the Few”, в котором представлены основные тенденции в обострении проблемы глобального неравенства. По итогам исследования эксперты выделили наиболее тревожные, по их мнению, факты:

- 85 самых богатых людей владеют таким же объёмом богатства в денежном исчислении, что и половина (3,5 млрд человек) населения Земли.
- Семь из десяти людей в мире живут в странах, экономическое неравенство в которых за последние 30 лет заметно усилилось.
- Совокупный объём денежных средств у 10 самых богатых людей Европы превышает общий объём средств, которые были выделены властями ЕС на стимулирование экономики региона в 2008–2010 гг. (€217 млрд и €200 млрд, соответственно). (См.: Глобальное неравенство в доходах продолжает расти. 20.01.2014 // Вести Экономика. URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/38184> (дата обращения: 05.03.2016).

- Нарастание прелестей «играизации» [Кравченко, 2002] социального порядка, что приводит к усилению замещения реальных социальных практик виртуальными.
- Всё более агрессивным и опасным становится сумеречный мир гиперреальности симулякров Ж. Бодрийера, в котором свойства реальности переносятся на мир нереальной реальности [Кравченко, 2016: 195].
- Рост популярности и социальности интернета, социальных сетей, многопользовательских компьютерных игр и сетевой телефонии. Информационный мир испанского социолога М. Кастельса оказался миром, полным рисков и новых угроз [Кравченко, 2016: 213].
- Рост аномии и нормализация аномии [Кравченко, 2016: 239]. Нормализация аномии как социальной болезни дюркгеймовского мира модерна сегодня приобретает уродливые формы «кентавризации» по определению российского социолога Ж. Тошенко [Тошенко, 2011]. Речь идёт о процессе сочетания в общественном сознании несочетаемого из полей политики, мифологии, экономики, культуры. Важно то, что эти социальные кентавры, зарождённые в глубинах сознания и подсознания, вырываются в социальные практики, порождая безумие террористического героизма, культурной инновации и креативности похабной Pussy Riot, свободы слова и демократии исламофобийного Charlie Hebdo, свободы личности в гендерной самоидентификации и право на подавление тех, кто не разделяет ценности ЛГБТ-сообществ, творческой свободы и скабрёзности группы «Война». Сегодня вера и неверие, капитализм и коммунизм, любовь и ненависть, Бог и Дьявол легко помещаются и сожительствуют в одном стакане. Естественно, что аноμία как форма существования таких ценностных кентавров вновь стала объектом пристального внимания. Её переименовали. Она стала «новой» или «нормальной» аномией у профессора С. А. Кравченко. Аноμία стала, как и водится, источником новых рисков. Просто риски стали нормой. Нормой стала и аноμία. Однако вновь оживает старое социологическое правило: носителем рисков является сам человек [Кравченко, 2016: 251]. Вот как об этом говорил великий провидец Ф. Достоевский: «Нет, широк человек, слишком даже широк, я бы сузил. Черт знает, что такое даже, вот что! Что уму представляется позором, то сердцу сплошь красотой. В содоме ли красота? Верь, что в содоме-то она и сидит для огромного большинства людей, — знал ты эту тайну, иль нет? Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с богом борется, а поле битвы — сердца людей» [Достоевский, 1994: 136].

Надо отдать должное писательскому таланту профессора С. А. Кравченко. Текст, даже если речь идёт о сложных и плохо воспринимаемых идеях и понятиях, читается легко. Становится понятным этот удивительный и всегда новый мир жизни людей. Понятно это потому, что автор понимает то, о чём пишет. Это не так уж и часто встречается.

Читатель этой книги получит не только знания о современном и полном опасностей и рисков мире. Важнее то, что эта книга – учебник, а, следовательно, по определению должна учить не столько знаниям, но пониманию этого нового «сложного» мира. Это означает, что книга ориентирована на решение трёх педагогических задач, которые автор с блеском выполнил:

1. Читатель вольно или невольно вынужден был реструктурировать свои знания о современном обществе, об угрозах, появившихся в этом обществе, и рисках, которые это общество несёт в себе;

2. Читатель, в том числе и преподаватель социологии, прочитав эту книгу, узнал, что-то новое для себя;

3. Однако нельзя объять необъятное. Читатель, осознавший мир, который профессор С. А. Кравченко пытался построить и донести до читателя, увидит, что на многие вопросы автор так и не дал ответа. Это означает только то, что читатель узнал, чего он ещё не знает об этом мире высокорискованных бифуркационных и аномичных мирах «реальной нереальной реальности». Он приобретёт знание о том, чего он не знает. Это позитивное незнание. Это резерв роста компетентности. Это лекарство от невежества.

В самом деле, невежда – это ведь человек, который не знает и того, чего он не знает. Невежество – страшное явление. Особенно тогда, когда невежда – начальник. Это незнание позволяет ему, начальнику, нести любую чушь и не стесняться. Начальнику ведь не скажешь в лицо, что он – дурак. Непредвзятый читатель, наверное, согласится со мной о том, что включая телевизор, можно увидеть просто потоки невежества, излучаемые от тех, кто причисляет себя к национальной элите. Это излучение вызывает чувство стыда за тех людей, которые пытаются выстроить социальную политику, ровно ничего не понимая в этом. Их беда и в том, что они не читали книги профессора С. А. Кравченко.

Однако закрыв последнюю страницу книги, понимая, что учебник состоялся, и он явно претендует на роль культурно-созидательного явления, остаётся и чувство неудовлетворённости и даже досады.

1. Так и не прояснён ответ на вопрос о том, кто является режиссёром и исполнителем формирования этого нового и опасного тотальными рисками мира. Бог?

*С Богом я общаюсь без нитья
И не причиняя беспокойства:
Глупо на устройство бытия
Жаловаться автору устройства.*

Г. Губерман

Конечно, в книге есть внятный и вполне рассудочный ответ: люди создали этот мир, и люди же являются носителями угроз этому миру. Бог наделил людей свободой воли, но тем, как они распорядятся своей свободой, Бог не намерен был заниматься. Люди же свою свободу обратили на право произвольно и меркантильно целенаправленно, эгоистически корпоративно формировать выгодные для себя культуры. Владение культурами и умение их формировать — это власть, это политическое принуждение, это просто рынки и бизнес.

Здесь были надежды услышать от профессора С. А. Кравченко его рассуждения. Но они не оправдались. Здесь крайне важно понимать, что решающую роль в таком культурном империализме играют средства массовой коммуникации. СМИ являются новой глобальной производительной силой, направленной на захват сознания и формирование символов знаков успешности, счастья и достатка, бодрияровских симулякров и новых богов мира постмодерна — брендов. СМИ производят новую гиперреальность, новую виртуальность миров и соблазнов потребительского общества. Очевидно, и это подтверждается многочисленными исследованиями прикладного и теоретического характера, на настоящий момент ведущим фактором формирования жизненных стилей, ценностей и целей, имиджевых образцов и т. д. является массовая культура, чьи образцы транслируются, главным образом, через СМИ. СМИ стали производительной силой нового общества постмодернистской реальной нереальной реальности. Мира неопределённости и бифуркации.

Современная массовая культура создаёт широкие возможности для манипуляций сознанием, при которых человек теряет способность рационально осмысливать бытие. При этом и те, кем манипулируют, и сами манипуляторы становятся её заложниками. Свобода как мечта и идеал в культуре модерна посрамлены. Свобода в современных СМИ становится «девкой», освобождённой от тягот необходимости соблюдения деспотических норм культур и религий. В этой новой культуре, навязанной СМИ, человек стал по-настоящему свободным. Он победил деспотизм физической необходимости. Ему дано Всё. Всё — это и то, что связано с божественными нравственными ценностями, но и то, что связано с дьявольскими искушениями греха и порока. Всё стало дозволено в этой новой свободе постмодерна. Очевидно, что такая свобода становится полем огромных рисков, связанных с непредсказуемостью её проявления. Почему-то профессор С. А. Кравченко об этом не стал говорить. Чувство досады связано и с прочтением глав книги, связанных с рассуждениями автора о России.

В самом деле. Речь идёт об учебнике, ориентированном на социологические факультеты российских университетов. И в нём собственно российские практики показаны в двух последних главах книги. Эти главы прописаны на 28 страницах, что составляет всего 9% объёма учебника.

Ныне университеты России пресыщены текстами, пересказывающими американские и западноевропейские книги и учебники по социологии. Интерпретация зарубежных социологических теорий оправдана и правильна. Но есть пределы. Они обозначены стремлением через эти интерпретации познать и понять свой мир, своё общество и свой народ.

Мировая социология и весь арсенал её средств, инструментов и ценностей взрос из опыта и культуры западного капитализма центральной Европы и США. Учебники по социологическим дисциплинам российских университетов иногда просто пересказывают западный опыт. На западе этот опыт работает потому, что он основан на практике управления и общественной жизни их обществ. В этих обществах сложились все элементы, все институты социальной системы. Для объяснения и понимания их социальных практик и конструировались их интерпретирующие модели, обобщающие этот опыт как знание и научное понимание. У нас в стране происходит вторичный, третичный пересказ того, чего нередко пока нет и в помине в наших социальных практиках. Но есть надежда, что когда-то появится. А, может быть, лучше б и не появлялось. Приходится констатировать, что в российской социологии присутствие российского мира, его особенностей и интерпретаций сужено, а то и вовсе отсутствует. В итоге, российский студент охотно поговорит на занятиях по социологии о проблемах Техаса или о положении арабов во Франции, но ничего путного не скажет о положении дел в Бурятии или о жизни коренных народов на Алтае. В России появляется остро обозначаемая проблема в появлении российских учебников по социологии. Учебник профессора С. А. Кравченко уже хорош, что две главы посвящены реалиям российских Палестин. Уже хорошо и то, что в нём к каждой главе предложены кейсы, «гайд — листы» семинаров и дискуссий. Надо, однако, признать, что они не всегда направлены на дискуссии по поводу российских проблем социальной жизни.

2. Вполне сдержаны рассуждения профессора С. А. Кравченко о проведении политики модернизации в России.

На автомате произносится лозунг о том, что в России «востребован принципиально другой тип модернизации, учитывающий риски и уязвимости прошлых модернизаций как в России, так и в мире, — гуманистически ориентированная модернизация» [Кравченко, 2016: 257–258]. Здесь просто необходимы рассуждения и доказательства таких перспектив.

В самом деле, Россия вот уже 300 лет разорвана изнутри — с времён первой великой смуты. И этот разрыв сегодня производит аномию. Этот разрыв стал причиной тектонических перемен и рисков. Революций. Гражданской войны. Перестройки. Гибели СССР. Это разрыв между «славянофилами» и «западниками». Сегодня их называют «патриотами» и «либералами».

Они ненавидят друг друга. У них всё по-разному. У них разные паттерны, аттракторы будущей России. Разные ценности. Всё это в одном социуме производит аномию и социальную энтропию. Россия сама является тощенковским «кентавром». Как не вспомнить В. Пелевина: «Антирусский заговор, безусловно,

существует — проблема только в том, что в нём участвует всё взрослое население России». Профессор С. А. Кравченко называет это нормальной аномией. Хотелось бы подробностей.

Аномия приняла в российском обществе затяжной характер и в силу этого бумерангом не просто определяет состояние общественного сознания «здесь и теперь», а заложена в мировоззренческую и прогностическую модель мира его членов. В России такое положение является основанием думать о том, что кризисное сознание россиян является не просто данью переходному периоду, а устойчивым элементом модели мира русского человека и его обществ. Это, однако, предположение автора рецензии. Автор учебника этот вопрос не комментировал.

3. Профессор С. А. Кравченко говорит о том, что одним из важнейших источников социальных рисков второй половины XX века была рефлексия мировой социологии по поводу мировых травм Второй мировой войны, революций и обид, связанных с войной. В СССР эта рефлексия породила информационное цунами конца 1980-х — начала 1990-х годов.

Это информационное цунами оказалось настолько рискованным, настолько разрушительным, что просто снесло и СССР, и весь мир социалистического лагеря. Не будем обсуждать причины этого явления. Но в учебнике-то мы могли бы эти вопросы поставить. Их не оказалось.

В XX веке Россия и русские пережили гигантские трагедии. Они получили в революции 1917 года великую социальную травму: потеряна была вся российская элита (дворянская, купеческая, промышленная, церковная, офицерская и научная). Итоги просто ужасны: 11 млн погибли в гражданской войне, десятки миллионов граждан стали жертвами репрессий. Потом была Великая Отечественная война: 28 млн погибло. Исчез СССР, последствия чего не замечает российская социология. Сегодня можно говорить, что нет уже тех русских и той России, которые были лет сто назад.

Автор же учебника новую попытку российской модернизации строит на образе идеального представления о русских и о России. Так ли это?

Выводы

1. Прежде всего, стоит сказать, что учебник состоялся. Интересно. Педагогически выверено. Дидактически точно. Практически объёмно и мотивирует к рассуждениям.

2. Профессор С. А. Кравченко уже давно видит перспективу преодоления системного кризиса общества постмодерна в наполнении его социальных тканей гуманистическим содержанием. Профессор заявляет, что «гуманистический тип модернизации для человека, для здорового образа жизни побуждает начать движение к утверждению нового типа мышления, который мы обозначили как нелинейно-гуманитарное мышление. Оно учитывает не только парадоксы и разрывы, риски и уязвимости в общественном развитии, особенности всё более нелинейно развивающегося социума, но и ставит во главу жизнедеятельности человека поиск новых форм гуманизма, ориентированных на его экзистенциальные потребности, цели наращивания гуманистического потенциала в обществе» [Кравченко, 2016: 270]. В этом утверждении содержится и кредо, и служение, и упования, и научная позиция профессора С. А. Кравченко. Такая позиция вызывает уважение. Но и формирует мобилизацию на преодоление кризисных явлений. Более того, стремление к гуманизации общества и его институтов находит всё более широкое понимание и признание. Приведу здесь фрагмент выступления президента Франции Н. Саркози на Всемирном форуме в Давосе в 2010 году: «...Свободный рынок и конкуренция — это лишь средства, но ни в коем случае не цель. Давайте не смешивать эти два понятия. С того самого момента, когда мы стали говорить, что «рынок всегда прав» глобализация вышла из-под контроля. Альтернативы рыночной экономике нет. Но спасти капитализм и рыночную экономику можно лишь, если мы их перенастроим. И я даже решусь сказать так: если мы восстановим их моральное измерение, призовём их к совести... мы спасем капитализм и рыночную экономику, заложив в них новые основы. И я осмелюсь сказать — придав ему нравственности» [Экономисты обсуждают..., 2010].

В заключение сюжета, связанного с научной и педагогической миссией профессора С. А. Кравченко как гуманиста, приведу разговор героя книги Дж. Сэлинджера «Над пропастью во ржи». Это разговор мальчика по имени Холден Колфилд со своей младшей сестрой. Он так ей объяснял свою главную жизненную мечту: «...Понимаешь, я себе представил, как маленькие ребятки играют вечером в огромном поле, во ржи. Тысячи малышей и кругом — ни души, ни одного взрослого, кроме меня, а я стою на самом краю обрыва, над пропастью, понимаешь? И моё дело — ловить ребятшек, что бы они не сорвались в пропасть. Понимаешь, они играют и не видят, куда бегут, а тут я подбегаю и ловлю их, чтобы они не сорвались. Вот и вся моя работа. Стеречь ребят над пропастью во ржи. Знаю, это глупости, но это единственное, чего мне хочется по-настоящему» [Сэлинджер, 1991].

В этом высказывании смысл научного и гражданского служения профессора С. А. Кравченко, его призывов к «гуманистическому повороту» [Кравченко, 2013а], к приоритету обучения добру и милосердию, к приоритетности нравственности над утилитарной выгодой и расчётливой целесообразности.

Книга прочитана.

Стоит поздравить её автора, профессора С. А. Кравченко, с творческой удачей. Из-под его пера вышел своевременный, полезный и умный учебник.

*Книгу читал, размышлял и писал на полях заметки по поводу прочитанного и вовсе без всякого повода профессор Института бизнеса и делового администрирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте России проф. Овсянников А. А.
9 марта 2016 года*

Список литературы

Глобальное неравенство в доходах продолжает расти. 20.01.2014. [Электронный ресурс] // Вести. Экономика. URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/38184> (дата обращения: 05.03.2016).

Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 7 томах. – М.: Лексика, 1994. – Том 6. – 500 с.

Кравченко С. А. Востребованность гуманистического поворота в социологии // Социологическая наука и социальная практика. – 2013а. – № 1. – С. 12–23.

Кравченко С. А. Играизация российского общества (К обоснованию новой социологической парадигмы) // Общественные науки и современность. – 2002. – № 6. – С. 143–155.

Кравченко С. А. «Нормальная аномия»: контуры концепции // Социологические исследования. – 2014. – № 8. – С. 3–10.

Кравченко С. А. Социологический толковый англо-русский словарь. – М.: МГИМО-Университет, 2012. – 690 с.

Кравченко С. А. Социологический толковый русско-английский словарь. – М.: МГИМО-Университет, 2013. – 914 с.

Кравченко С. А. Словарь новейшей социологической лексики (с английскими эквивалентами). – М.: МГИМО-Университет, 2011. – 408 с.

Кравченко С. А. Социология риска и безопасности. Учебник и практикум. – М.: Издательство «Юрайт», 2016. – 302 с.

Кравченко С. А., Красиков С. А. Социология риска: полипарадигмальный подход. Учебное пособие для ВУЗов. – М.: Анкил, 2004. – 385 с.

Кравченко С. А., Мнацаканян М. О., Покровский Н. Е. Социология: парадигмы и темы. Издание 2-е, дополненное, переработанное. – М.: Анкил, 1998–507 с.

Овсянников А., Смирнова Е. Индикаторы экологичности потребления: Россия в постиндустриальном мире // Народонаселение. – 2007. – № 4(38). – С. 56–71.

Эзлинджер Дж. Над пропастью во ржи. – М.: Правда, 1991. – 122 с.

Тощенко Ж. Т. Кентавр-проблема: опыт философского и социологического анализа. – М.: Новый хронограф, 2011. – 552 с.

Экономисты обсуждают речь Саркози в Давосе. 30 января 2010. [Электронный ресурс] // Вести.Ru. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=339055> (дата обращения: 20.02.2016).

Дата поступления в редакцию 11.03.2016.

Kravchenko S. A. Sociology of Risk and Security. The Tutorial and Workshop.

M.: IZDATEL'stvo Yurajt, 2016. – 302 p.

Ovsiannikov Anatolii Aleksandrovich

Doctor of Economic Sciences, Professor, Institute of Business and Business Administration, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. Prospekt Vernadskogo, d. 82, korp. 5, 119571, Moscow, Russia. E-mail: aovsianikov@post.ru

REFERENCES

Global'noe neravenstvo v dohodah prodolzhaet rasti. 20.01.2014. [*Global income inequality continues to grow*]. [Elektronnyj resurs]. Vesti. Ekonomika. URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/38184> (data obrashhenija: 05.03.2016). (In Russ.).

Dostoevskij F. M. Brat'ja Karamazovy. [*The Brothers Karamazov*]. Sobr. soch. tom 6. – M.: Leksika, 1994. – 500 s. (In Russ.).

Kravchenko S. A. Vostrebovanost' gumanisticheskogo povorota v sociologii. [*The relevance of a humanistic turn in sociology*]. J. Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika. – 2013a. – № 1. – S. 12–23. (In Russ.).

Kravchenko S. A. Igraizacija rossijskogo obshhestva (K obosnovaniju novej sociologicheskoy paradigmy). [*Gamification of Russian society (on the substantiation of a new sociological paradigm)*]. J. Obshhestvennye nauki i sovremennost'. – 2002. – № 6. – S. 143–155. (In Russ.).

Kravchenko S. A. «Normal'naja anomija»: kontury koncepcii. [*“Normal anomie”: the contours of the concept*]. J. Sociologicheskie issledovanija. – 2014. – № 8. – S. 3–10. (In Russ.).

Kravchenko S. A. Sociologicheskij tolkovyj anglo-russkij slovar'. [*Sociological explanatory English-Russian dictionary*]. – M.: MGIMO-Universitet, 2012. – 690 s. (In Russ.).

Kravchenko S. A. Sociologicheskij tolkovyj russko-anglijskij slovar'. [*Sociological explanatory Russian-English dictionary*]. – M.: MGIMO-Universitet, 2013. – 914 s. (In Russ.).

Kravchenko S. A. Slovar' novejshej sociologicheskoy leksiki (s anglijskimi jekvivalentami). [*Dictionary latest sociological vocabulary (with English equivalents)*]. – M.: MGIMO-Universitet, 2011. – 408 s. (In Russ.).

Kravchenko S. A. Sociologija riska i bezopasnosti. Uchebnik i praktikum. [*Sociology of risk and security. Tutorial and workshop*]. – M.: Izdatel'stvo «Jurajt», 2016. – 302 s. (In Russ.).

Kravchenko S. A., Krasikov S. A. Sociologija riska: poliparadigmal'nyj podhod. Uchebnoe posobie dlja VUZov. [*Sociology of risk: a multiparadigm approach*]. – M.: Ankil, 2004. – 385 s. (In Russ.).

Kravchenko S. A., Mnacakanjan M. O., Pokrovskij N. E. Sociologija: paradigmy i temy. Izdanie 2-e, dopolnennoe, pererabotannoe. [*Sociology: paradigms and themes*]. – M.: Ankil, 1998–507 s. (In Russ.).

Ovsjannikov A., Smirnova E. Indikatory ekologichnosti potreblenija: Rossija v postindustrial'nom mire. [*Indicators of sustainability consumption: Russia in the postindustrial world*]. *J. Narodonaselenie*. – 2007. – № 4(38). – S. 56–71. (In Russ.).

Sjelindzher Dzh. Nad propast'ju vo rzhi. [*The catcher in the rye*]. – M: Pravda, 1991. – 122 s. (In Russ.).

Toshhenko Zh. T. Kentavr-problema: opyt filosofskogo i sociologicheskogo analiza. [*Centaur-problem: the experience of philosophical and sociological analysis*]. – M.: Novyj hronograf, 2011. – 552 s. (In Russ.).

Ekonomisty obsuzhdayut rech' Sarkozi v Davose. 30 yanvarya 2010. [Elektronnyy resurs]. Vesti.Ru. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=339055> (data obrashcheniya: 20.02.2016). (In Russ.).

